

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-42-52

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru

ПРАКТИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ОСНОВАНИЯ

Рассматривается связь нормативных утверждений и рациональных оснований (резонов) для действия. Проанализированы природа практического силлогизма и его роль и место в концепциях практической рациональности. Выявлены сложности, связанные с различием нормативных и объяснительных оснований, предложены способы сокращения разрыва между индивидуальной рациональностью и нормативностью.

Ключевые слова: нормативность, рациональность, внутренние и внешние основания, объяснение, практический силлогизм, контрфактические допущения.

В статье рассматривается связь нормативных утверждений (утверждений о должном) и рациональных оснований (резонов) для такого должного действия. Основания для действия могут быть двух видов: первые – это «фактические» основания, факты «внешнего мира», делающие должным то или иное поведение. Например, вы должны покинуть здание, так как начался пожар. Такие основания относят к внешним. Внутренние основания – такие, которые требуют от нас некоторого поведения в силу того, что у нас имеются индивидуальные цели или мотивы.

Наиболее общие основания должного поведения принято называть «источниками нормативности». К. Корсгаард, например, выделяет четыре основных источника нормативности поведения – правовой нормативизм, реализм, рефлексивное одобрение и автономию субъекта [Korsgaard, 1996]. В первом случае речь может идти не только о праве, идея здесь в том, что императив практического поведе-

ния задает чужая воля, а право представляет собой лишь наиболее очевидный пример такого волюнтаризма. Другой источник нормативности – реализм. Здесь утверждения о должном действии являются обязывающими в том случае, если соответствующий довод истинный, а истинен он только в том случае, если имеют место факты, к которым апеллирует этот довод. Третий источник нормативности – рефлексивное одобрение. Императивность здесь определяется тем, насколько хорошо то или иное ее обоснование согласуется с принятыми стандартами рационального рассуждения. И, наконец, наиболее интересный и важный с философской точки зрения источник нормативности – автономия субъекта, «самозаконность». В этом случае нормы не находятся во внешнем мире, а выводятся, создаются, конструируются человеческим разумом и волей на основе способности к автономному выбору или решению. Основания для действия становятся обязывающими только в том случае, если субъект, обладающий свободой воли, добровольно примет те или иные резоны как основания для своего поведения.

Знаменитое замечание Юма упрекает оппонентов в неправомерном переходе от утверждений о том, что есть, к утверждениям о том, что должно быть. Корректным переход может быть только в том случае, если имеется логический вывод, а он невозможен, поскольку речь идет о разных типах утверждений – фактических и утверждениях должностования. «В каждой этической теории автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно: “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”» [1996. С. 511].

В современных обсуждениях проблем нормативности это различие трактуется как различие между двумя принципиально разными основаниями для действия – дескриптивными (объяснительными) и нормативными. С точки зрения нормативности проблема состоит в следующем: если согласиться с идеей Юма о полной независимости этих двух планов, то отсюда следует, что основания, объясняющие действия, могут быть никак не связанными с нормативными резонами, требующими тех же самых действий. Однако, как будет показано ниже, в случае ретроспективных рационализаций само различие между этими двумя типами нормативных оснований не является устойчивым.

Нормативными основаниями в данной статье будем называть только основания для действия, помня о том, что есть и другие нормативные основания (для мнений / верований, желаний, для институтов и т. д.) [Raz, 2011. P. 13–35]. Связь нормативности действия с рациональными основаниями обычно предполагает принятие инструментальной модели рациональности, когда рациональность понимается как эффективность или оптимальность тех или иных средств для достижения поставленной цели. При этом сама цель на рациональность не оценивается. Цели и желания вместе со средствами их осуществления входят в состав практического рассуждения. Нормативность здесь относится, таким образом, к выбору средств для достижения желаемого результата и фактически совпадает с инструментальной рациональностью.

Логико-семантическая природа практических рассуждений впервые рассмотрена Аристотелем в «Никомаховой этике». Это, как правило, дедуктивный силлогизм, в котором из двух посылок следует практический вывод. «Одно мнение (т. е. посылка) касается общего, другое – частного, где, как известно, решает чувство, когда же из этих двух (посылок) сложилось одно (мнение), то при теоретической посылке необходимо, чтобы душа высказала заключение, а при (посылках), связанных с действием, – чтобы тут же осуществила его в поступке» [1984. С. 197].

Однако попытка поместить практическое рассуждение в основание теории практической рациональности сталкивается с рядом проблем. Первая проблема – идентификация практического силлогизма как особого типа рассуждения. Спорным моментом остается то, является ли таковым практический силлогизм, и если да, то что именно превращает практическое рассуждение в особый вид рассуждения – содержание посылок или форма вывода. Э. Энском специально рассматривает трудности идентификации практического силлогизма как особого типа рассуждения [Anscombe, 1978]. Среди имеющихся классификаций практических рассуждений можно выделить следующие: 1) по форме вывода – индуктивное и дедуктивное; 2) по содержащимся в них практическим модальностям – оценочное (содержащее такие модальности, как «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», «равноценно» и др.), деонтическое («обязательно», «разрешено», «запрещено», «безразлично» и др.), императивное («приказано», «рекомендовано» и др.). Такое разнообразие форм и выводов практического рассуждения – не единственная трудность, возникающая при реконструкции заключения как нормативного основания.

Мы уже отметили основную проблему, связанную с характером логических отношений в структуре практического силлогизма. В практических рассуждениях от посылок со связкой «есть» совершается переход к заключению со связкой «должен». Проблема здесь состоит в том, что логическое следование определяется в терминах истины, суждения же с «должен» не являются ни истинными, ни ложными. Еще одна трудность связана с возможной контекстуальной разнородностью, а зачастую, и противоречивостью исходных посылок. При невозможности их оценки на истинность, выбор определяется психологическими и ценностными факторами, не рассматриваемыми в традиционных теориях практических рассуждений. В качестве примера можно обратиться к дилемме Агамемнона. Когда обиженная богиня Артемида лишила его флот попутного ветра, то для того, чтобы выйти в море, Агамемнону пришлось принести в жертву свою дочь Ифигению. В терминах практического рассуждения эту ситуацию можно реконструировать следующим образом:

- Отец должен заботиться о дочери.
- Военачальник должен обеспечить успех похода.
- Условием начала похода является принесение в жертву дочери.
- Я, следовательно, должен...

Сами по себе послылки практического рассуждения непротиворечивы, противоречивыми они становятся лишь в контексте одного из эпизодов античной мифологии. В этом случае заключение в логическом смысле не следует из посылок, если, конечно, не включать дополнительные ценностные послылки о приоритетах предводителя ахейцев.

Следующее затруднение связано с возможным несоответствием между исходными послылками, встречающимися в практических силлогизмах, и действительными послылками, на основе которых люди принимают решения. В силу того, что человеческое рассуждение, как правило, является энтимемой, при конструировании практических силлогизмов (или при реконструкции предполагаемых рассуждений) послылки представлены в сокращенном виде. Посылки же действительного практического рассуждения обычно содержат различного рода конкретизирующие модификаторы, такие как «всегда», «иногда», «как правило» и т. д. Их игнорирование не только приводит к ошибкам при реконструкции практических рассуждений, но и увеличивает вероятность получения заключения, не соответствующего послылкам.

Одна из наиболее серьезных проблем при анализе нормативных оснований состоит в отказе оценивать на рациональность цели и желания субъекта. Если Раскольников хочет убить старуху-процентщицу и уйти от возмездия, то для него рационально убить и свидетелей преступления. Задавать же вопрос о том, следует ли Раскольникову вообще иметь такое желание – значило бы, по мнению Д. Юма и его последователей, совершать категориальную ошибку. Однако в современных представлениях о нормативном модель Юма серьезно корректируется. При сохранении связки «желание-действие», желанием часто считается не фактическое, имеющееся в наличии у субъекта действия, а желание некоторого идеализированного субъекта в идеализированной ситуации, т. е. такое желание, которое имел бы субъект, если бы был полностью рациональным, имел всю полноту информации, находился в эмоционально и психологически комфортном состоянии, понимал как полные последствия своего действия, так и последствия и связь совершения этого поступка с другими своими разумными и осознанными целями, в том числе долгосрочными. Таким образом, корректировка представлений Юма связана с большим количеством контрфактических допущений.

Такие операции идеализации могут оказаться не очень простым делом. Поскольку желания индивидов отличаются, то будут отличаться и желания идеализированные, «очищенные» от эпистемической и прочей неопределенности. Таким образом, на первом шаге рассуждения различные идеализированные субъекты могут иметь разные желания, требующие разных практических действий. Однако на втором шаге рассуждения рациональность все же требует «конвергенции», по выражению Смита [Smith, 1994. P. 173].

Причем такое сближение происходит не на уровне реальных желаний гипотетических идеализированных индивидов, а на уровне их гипотетических желаний. Такая двойная гипотетичность и контрфактичность («если бы полностью рациональные индивиды следовали полностью “правильным” желаниям») и позволяет сохранить привычную связь между желанием и рациональным действием, отмежевавшись, в то же время, от субъективизма Юма, допускавшего возможность очевидно «плохих», с обычной точки зрения, желаний: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [1996. С. 458].

Из проблемы практического поведения и практического выбора проблема выбора и оценки внутренних и внешних оснований часто

становится эпистемической. В силу неизбежной неполноты информации и познавательных ограничений субъекта регулярно возникают ситуации, в которых мы не только не должны действовать рационально, более того, нормативно верным будет поведение вопреки имеющимся у нас рациональным резонам.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример из статьи Брума, посвященной проблеме нормативности рациональности [Broome, 2007]. Представим себе, что вас угощают рыбным блюдом. Вы знаете, что отказываться от угощения невежливо, тем более что блюдо выглядит очень аппетитным. Кроме того, вы осведомлены о пользе рыбных блюд для здоровья. Таким образом, у вас имеется целый набор разумных оснований для того, что принять угощение. Однако вы не знаете, что предложенная рыба заражена сальмонеллезом. Конечно, этот фактор перевешивает все остальные, и с точки зрения должного поведения вы не должны есть эту рыбу. Но так как вы не знаете о болезни рыбы, то съесть ее было бы вполне рационально. Пример демонстрирует разрыв между требованиями рациональности и нормативности, обращает внимание на то, что рациональность не покрывает всю сферу нормативного, и на то, что, кроме рациональных оснований, концепция практической нормативности нуждается и в каких-то дополнительных способах оценки и отбора оснований. Поиску дополнительных ресурсов в сфере эпистемологии может помочь понимание разрыва между рациональностью и нормативностью по аналогии с разрывом между мнением и знанием в классической трехчастной модели знания как обоснованного истинного мнения [Карпович, Шевченко, 2013], хотя и с этой моделью связано немало проблем.

Говоря о внутренних и внешних основаниях, необходимо упомянуть о позиции, согласно которой самое это различие не имеет смысла. Точкой отсчета для современных дискуссий о внутренних и внешних основаниях стал тезис Б. Уильямса [Williams, 1981. P. 101–113], в котором он ставит под сомнение само существование специфически внешних оснований и утверждает, что все резоны для действия, на самом деле, являются внутренними. Основная идея состоит в том, что при соответствующем анализе все внешние основания представляют собой не объективный, независимый от субъекта резон в пользу некоторого действия, а утверждение о том, почему то или иное действие было бы хорошо или правильно совершить именно данному субъекту. Фактически это интернализм классического юмовского толка, согласно которому у субъекта есть нормативное основание

совершать некоторое действие только в том случае, если оно будет способствовать удовлетворению его желания. В противоположность этому главным тезисом экстерналистской позиции является отрицание идеи о том, что нормативные резоны вообще нуждаются в какой-либо связи с внутренней мотивацией.

Проблема с интернализмом в том, что он игнорирует многочисленные случаи существования внешних оснований для действия, которые могут очевидно противоречить нашим желаниям, в частности наличие моральных обязательств. Вообще говоря, сторонники экстернализма апеллируют обычно к моральной нормативности, указывая на существование универсальных моральных императивов, которые часто конфликтуют с нашими субъективными желаниями и мотивациями, но, тем не менее, требуют выполнения. Следование таким моральным императивам свидетельствует о наличии внешних оснований для действия. Кроме того, большинство людей признает существование моральных абсолютов и поступков безусловно неприемлемых, независимо от наших желаний и мотиваций.

В свою очередь, трудности экстерналистского подхода связаны с тем, что он не показывает, каким образом внешние объективные резоны могут мотивировать конкретного субъекта действия. В частности, Б. Уильямсу процесс мотивирования реального субъекта каким-то внешним резонансом представляется совершенно таинственным.

Одним из центральных аргументов в пользу интерналистской позиции является указание на связь рациональных оснований с объяснением. Д. Дэвидсон уже в статье 1963 г. [Davidson, 1963] отметил, что в объяснениях своих прошлых действий люди обычно ссылаются на причины, мотивы или основания, которые побудили или вынудили действовать таким образом. По мысли Дэвидсона, объяснение уже совершенного действия всегда включает то или иное указание на психологическое состояние субъекта, а следовательно, основаниями для действия всегда были представления или желания этого субъекта. Возникает вопрос: насколько обоснованно говорить здесь о нормативных основаниях, ведь на первый взгляд в объяснении речь идет об основаниях дескриптивных (объяснительных), в рамках уже проведенного ранее различения. Но, по мнению Дэвидсона, основания, приводимые субъектом для уже выполненного действия, не только объясняют это действие, но и оправдывают его. Речь, таким образом, идет о ретроспективной рационализации, смысл которой обычно в том, чтобы представить совершенное действие как нормативно

правильное. В этом рассуждении, следовательно, вообще стирается грань между основаниями объяснительными и нормативными.

Итак, проблема внутренних и внешних оснований выглядит следующим образом. Вряд ли можно сомневаться в существовании как внутренних, так и внешних оснований. И те, и другие вполне можно представить как нормативные, т. е. как не только объясняющие, но и рационализирующие, легитимирующие некоторое действие. Попытка стереть между ними всякие различия и представить внешние основания (такие, например, как моральные обязательства) как их интериоризацию субъектом также не выглядит слишком убедительной. Проблемой остается описание соотношения и конфликтов внутренних и внешних оснований поведения с точки зрения мотивирования субъекта к совершению некоторого действия. Как представляется, здесь может помочь расширение концептуального и методологического аппарата, используемого для описания таких ситуаций. Одна из перспективных возможностей – оценка на рациональность самих целей и желаний. В этом случае, рациональные основания, порожденные «плохими» желаниями или, например, «институциональными» стандартами, в отличие от стандартов моральных, будут забракованы, так как, по сути дела, будут являться «псевдо-основаниями» [Finlay, 2006. Р. 6–7]. Такой ход представляет собой и аргумент в пользу экстернализма, показывая, что имеющаяся мотивация не является ни необходимой, ни достаточной для того, чтобы считаться реальным основанием для действия.

Конечно, желания и страсти могут толкать людей как на дурные, так и хорошие поступки. Власть аффектов вовсе не обязательно ведет к эгоизму и у Юма: «Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую неприятность для какого-либо индийца или вообще незнакомого мне лица» [1996. С. 458].

Представляется, что дополнение инструментального аспекта рациональности аксиологическим является вполне обоснованным. Даже если согласиться с неуместностью оценки на рациональность целей и ценностей в рамках практических рассуждений, то это не означает невозможности и ненужности оценки их на рациональность вообще. Некритическое принятие ценностных установок служит источником серьезных трудностей и для экономических концепций рациональности, а отказ от оценки на рациональность целей субъекта делает ее фактически неприменимой для анализа реального поведения. Очевидно, что нельзя считать рациональным такое поведение,

которое либо направлено на реализацию противоразумных целей, либо основано на неверной трактовке ценностей.

Другой, косвенный, аргумент принадлежит самому Юму. Признавая приоритет аффектов, Юм в то же время считал, что аффекты могут быть как хорошими, так и плохими. Но инструментом различения хороших и плохих аффектов не могут быть сами аффекты, им может быть только разум. Кроме того, сама идея о возможной оценке целей и ценностей на рациональность содержится в самых разных философских и социологических теориях. При этом действительная или кажущаяся иррациональность целей становится определяющим фактором при анализе действий отдельных индивидов или функционирования социальных систем. Как противоразумные оцениваются фашизм, национализм, шовинизм, войны, критически оцениваются идеалы потребительского общества. И напротив, именно соответствие идеалов добра и справедливости требованиям разума объясняет стремление сделать их руководящими принципами поведения в обществе. С теоретической точки зрения аксиологическая оценка как внутренних, так и внешних рациональных оснований позволит надеяться на сокращение разрыва между рациональностью индивидуального субъекта и более строгими общенормативными требованиями.

Список литературы

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

Карпович В. Н., Шевченко А. А. Рациональность и нормативность: вера и знание // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 2. С. 16–23.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм. Д. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.

Anscombe G. E. M. On Practical Reasoning // Practical Reasoning. Oxford, 1978. P. 33–45.

Broome J. Does Rationality Consist in Responding Correctly to Reasons? // Journal of Moral Philosophy. 2007. No. 4. P. 349–374.

Davidson D. Actions, Reasons and Causes // The Journal of Philosophy. 1963. Vol. 60. No. 23. P. 685–700.

Finlay S. The reasons that matter // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84. No. 1. P. 1–20.

Korsgaard C. M. The Sources of Normativity. Cambridge Univ. Press, 1996.

Raz J. From Normativity to Responsibility. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

Smith M. The Moral Problem. Oxford: Blackwell, 1994.

Williams B. Moral Luck. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2018

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru

PRACTICAL NORMATIVITY: INTERNAL AND EXTERNAL REASONS

The paper considers the connection between normative statements and rational grounds (reasons) for action. It analyzes the nature of practical syllogism and its role in conceptions of practical rationality. The paper also brings to light the difficulties related to differentiating between normative and explanatory reasons and offers ways of bridging the gap between individual rationality and normativity

Keywords: normativity, rationality, internal and external reasons, explanation, practical syllogism, counterfactual premises.

References

Aristotle. Nicomahova etika [Nicomachean ethics]. *Sochineniya*: V 4 t. [Collected Works: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, vol. 4. (In Russ.)

Karpovich V. N., Shevchenko A. A. Ratsionalnost i normativnost: vera i znanie [Rationality and normativity: faith and knowledge]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 16–23. (In Russ.)

Hume D. A Traktat o chelovecheskoi prirode [Treatise of human nature]. *Sochineniya*: V 2 t. [Collected Works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, vol. 1. (In Russ.)

Anscombe G. E. M. On Practical Reasoning. *Practical Reasoning*. Oxford, 1978, p. 33–45.

Broome J. Does Rationality Consist in Responding Correctly to Reasons? *Journal of Moral Philosophy*, 2007, no. 4, p. 349–374.

Davidson D. Actions, Reasons and Causes. *The Journal of Philosophy*, 1963, vol. 60, no. 23, p. 685–700.

Finlay S. The reasons that matter. *Australasian Journal of Philosophy*, 2006, vol. 84, no. 1, p. 1–20.

Korsgaard C. M. *The Sources of Normativity*. Cambridge Univ. Press, 1996.

Raz J. *From Normativity to Responsibility*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.

Smith M. *The Moral Problem*. Oxford, Blackwell, 1994.

Williams B. *Moral Luck*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1981.